

частная собственность, а один человек эксплуатируется другим, то освобождение потенциала человека может наступить только при построении бесклассового общества. Общество, в котором возможно свободное саморазвитие человека, определялось К. Марксом как коммунистическое – общество, в котором отсутствуют классовые антагонизмы [13].

Таким образом, в социальной философии можно обнаружить две конкурирующие концепции. Одна видит смысл человеческого бытия в умножении капитала, считая, что свобода предпринимательской деятельности, жажда наживы – это и есть подлинное бытие человека. В рамках такого подхода экономика стала чем-то самоценным, не требующим иных обоснований, кроме экономической целесообразности. Второй философский подход останавливается на том, что любая деятельность, любая сфера социальной жизни человека должна ориентироваться на развитие творческих способностей личности. Иными словами, не человек служит капиталу и экономике, а экономика необходима для удовлетворения жизненных потребностей, для создания условий, необходимых для творческого самовыражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск: Литература, 1998. – 1392 с.
2. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Д. Кралечкин. – М.: Академический проект, 2007. – 335 с.
3. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства сочинение: в 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во «Наука», 1993. – С. 446.
4. Гегель, Ф.Г. Феноменология духа. Т. 4 / Ф.Г. Гегель; пер. с нем. Г. Шпет. – М.: 1959. – 437 с.
5. Зиновьев, А.А. Логическая социология: избр. соч. / А.А. Зиновьев; сост. Ю.Н. Солодухина. – М.: Астрель, 2008. – 606 с.
6. Зомбарт, В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: пер. с нем. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2005. – 637 с.

7. Кагарлицкий, Б.Ю. Марксизм: введение в социальную и политическую теорию / Б.Ю. Кагарлицкий. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 320 с.
8. Ле Гофф, Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. М.Ю. Некрасова. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. – 224 с.
9. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы / К. Маркс. – М.: Академический проект, 2010. – 775 с.
10. Осипов, Ю.М. Опыт философии хозяйства / Ю.М. Осипов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 382 с.
11. Осипов, Ю.М. Время философии хозяйства: в 3 кн. / Ю.М. Осипов. – М.: Экономистъ, 2003. – 656 с.
12. Пшеницын, И.В. О хозяйстве и его философии / И.В. Пшеницын // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2010. – № 1. – С. 161–165.
13. Рокмор, Т. Маркс после марксизма: Философия Карла Маркса / Т. Рокмор. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2011. – 400 с.
14. Семерник, С.З. Экономизм как деструктивный фактор развития общества / С.З. Семерник // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2012. – № 3. – С. 138–147.
15. Толкачев, П.С. Духовно-нравственные начала экономики / П.С. Толкачев // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2011. – № 2. – С. 65–98.
16. Ульрих, П. Критика экономизма / П. Ульрих; пер. с нем. И.П. Смирнов. – М.: Вузовская книга, 2004. – 120 с.
17. Хайек, А.Ф. Частные деньги / А.Ф. Хайек; пер. с англ. Б. Верпаховский. – [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 24.02.2014.
18. Шмоллер, Г. Народное хозяйство: Наука о народном хозяйстве и ее методы / Г. Шмоллер; пер. с нем.; вступ. ст. А.А. Мануилова. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 168 с.

SUMMARY

From the times of antiquity and up to now in the history of social and philosophical thought the fight of two images of the role and the place of economy and economic activity in public life of the person is distinctly observed. In the first case economic activity is interpreted as a basis of organic life of people and is defined in philosophical tradition by the category of «managing». In the second case economic activity is perceived as something autonomous from spiritual and moral existence. Such an activity is represented to modern society as something self-valuable and self-integral; so far the orientation to continuous multiplication of material benefit is represented as the highest blessing.

Поступила в редакцию 08.04.2014 г.

УДК 141.4:27«20»

В.В. Кузнецов,

преподаватель кафедры философии БГПУ

ЛЕВОРАДИКАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКО-ХРИСТИАНСКАЯ МЫСЛЬ В НАЧАЛЕ XXI в.

Как известно, первые социальные революции в Западной Европе (от крестьянской войны в Германии 1525 г. до Великой Английской революции 1642 г.) прошли под руководством идеологии реформированного христианства – протестантизма. В результате этих революций в ряде западноевропейских стран прошли буржуазные преобразования, которые позволили этим странам первыми

вступить на путь техногенного развития. В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» выдающийся социальный мыслитель XX в. М. Вебер показал, насколько важную роль сыграл протестантизм в социальных преобразованиях, которые происходили в передовых странах Запада в XVI–XVII вв. Однако он полагал, что после раннего предпринимательского капитализма западноевропейское общество

XVIII–XIX вв. подверглось сильной рационализации и секуляризации. Таким образом, религиозные возможности преобразования общества «просто исчезают». Влияние М. Вебера и атеистического марксизма на социальных теоретиков XX в. было столь велико, что до конца XX в. этот тезис об исчерпанности религиозных верований в деле социального преобразования общества считался неоспоримым.

Тем не менее появление во второй половине XX в. сильного и влиятельного леворадикального направления в христианской социальной мысли и в христианском социальном движении поставило под вопрос этот тезис выдающегося немецкого мыслителя. Наиболее четко эти сомнения в истинности вывода М. Вебера выразил известный американский социолог Дж. Александер [1, с. 21].

Формирование леворадикального направления христианства происходило в контексте, с одной стороны, нарастающей готовности Католической Церкви к концу XIX в. идти на компромисс с современным либерально-капиталистическим миром, в становлении и развитии которого ключевую роль сыграл протестантизм, а с другой – постепенно входившей в полосу кризиса (начиная с Первой мировой войны) западной цивилизации с такими ее институтами, как политическая демократия и рыночная экономика.

Наиболее отчетливо леворадикальная социально-философская мысль христианства проявила себя в таком известном христианском движении XX в. (с 1950-х гг. в странах Латинской Америки), как теология освобождения, которая и сегодня является активной и разнообразной и как теория, и как социальное движение в различных странах мира.

К настоящему времени существует ряд статей, кратких обзоров в сборниках, а также книг о развитии теологии освобождения как теории и как движения [2], в которых представлена последовательная хронология мысли и деятельности этого направления в христианстве. Как отмечает З.А. Заритовская, «за последние годы только в США и Канаде защищено более 600 диссертаций на данную тему» [3, с. 184]. Многие исследователи отмечали характерные элементы теологии освобождения в работах латиноамериканских теологов в начале и середине 1960-х гг. (Х.Л. Сегундо, Р. Альвес). Однако начало леворадикального христианского движения было положено исследованием Густаво Гутьерреса «Теология освобождения» (1971), которая вызвала интерес и бурные дебаты в Латинской Америке и других странах мира и дала имя этому движению.

Несмотря на то, что в работах о теологии освобождения, а также в работах самих теологов освобождения есть определенные различия, тем не менее можно выделить не-

сколько наиболее важных положений этого движения:

- борьба против идолатрии (идолопоклонства, а не атеизма) как главного противника религии, то есть против новых «идолов смерти», которым поклоняются «новые Фараоны», «новые Кесари» и «новые Ироды»: Богатство (Маммона), Изобилие, Рынок, Национальная безопасность, Государство, Военные Силы, «Западная христианская цивилизация» и др.;
- историческое освобождение человека как подготовка окончательного спасения во Христе – Царство Божье;
- критический анализ традиционной дуалистической теологии как наследницы греческой (платоно-аристотелевской) философии, а не библейской традиции, в которой человеческая и божественная истории являются различными, но взаимосвязанными;
- новое прочтение Библии, уделяющее существенное внимание таким ее частям, как Исход, который рассматривается в качестве парадигмы борьбы поработанных народов за освобождение;
- критика в этическом и социальном плане зависимого капитализма как несправедливой и нелегитимной системы, как одной из форм структурного греха;
- использование марксизма как социально-аналитического инструмента для понимания причин бедности, противоречий капитализма и форм классовой борьбы;
- предпочтительный выбор в пользу бедных и солидарность с их борьбой за самоосвобождение (самоэмансипацию);
- развитие христианских базовых общин из числа бедных и как новой формы Церкви, и как альтернативы индивидуалистскому образу жизни, который порождается и воспроизводится капиталистической системой.

Вместе с тем надо отметить, что социальные, этические и религиозные критерии в значительной степени определяют, какое направление социальной теории будет выбрано теологами, какому научному методу они отдадут предпочтение. Теологи освобождения отдали предпочтение марксизму, поскольку он представлял наиболее систематические, последовательные и обобщающие объяснения причин бедности и достаточно радикальные предложения для их устранения. Как отметил известный социальный теоретик Дэвид Харви в своей лекции «Неолиберальная урбанизация», состоявшейся 25 мая 2007 г. в Институте общественного проектирования (Москва), «если вы хотите понимать, как работает капитализм, один из лучших источников по сей день – это “Капитал”» [4].

Значительные изменения в социально-политическом и религиозном плане, которые произошли в мире за последние десятилетия,

отразились и на состоянии теологии освобождения. В религиозном плане основные изменения заключаются в росте численности пятидесятников на латиноамериканском континенте и попыток Ватикана различными мерами препятствовать развитию теологии освобождения и распространению ее влияния [5, p. 131; 6]. В политической и экономической сферах основными изменениями являются крах так называемого «реального социализма» в странах Восточной Европы и распад СССР. Для теологии освобождения эти события, которые можно назвать катастрофическим для народов социалистических стран, казались крахом возможности реализовать свой исторический проект как альтернативу капитализму.

Тем не менее теологи освобождения ответили на вызовы времени, пересматривая ряд аспектов своей теологии. Еще до падения Берлинской стены Г. Гутьеррес, Л. Бофф и Й. Собрино начали уточнять используемый ими классовый подход с учетом этнических, гендерных, культурных и экологических исследований [7]. В процессе этого переосмысления заявили о себе такие прежде малоизвестные представители теологии освобождения, как И. Жебара, Э. Тамес, Ф. Хинкеламмерт, Ч.М. Сонг и Р. Дри. Все эти ученые подчеркивают, что основополагающие леворадикальные христианские идеи теологии освобождения – предпочтительный выбор в пользу бедных, освобождение, построение Царства Божьего на земле – по-прежнему являются актуальными. Однако сегодня они отказываются придерживаться строгой дихотомии между реформой и революцией, отклоняют представление о бедных как едином и гомогенном революционном субъекте, рассматривают культуру коренных народов, а также гражданское общество как реальные арены для реализации освобождения. Поэтому не верно было бы говорить, что теология освобождения находится в состоянии упадка.

Самым значительным примером развития идей теологии освобождения, а также критической саморефлексии в лице ее нового поколения является сборник статей «Латиноамериканская теология освобождения: следующее поколение» (2005), авторы которого заявили о себе в ряде работ, опубликованных ранее. В данной книге отражены размышления представителей этого поколения над прошлым теологии освобождения и взгляд на будущее, то есть новые теологические и социально-политические аспекты, которые будут определять развитие теологии освобождения в ближайшие десятилетия.

Чон Мо Сонг считается наиболее видным представителем нового поколения теологии освобождения в Латинской Америке. В статье «Человеческое существование как субъект» Ч.М. Сонг пытается переосмыслить кате-

гории освобождения и исторического субъекта [8]. Он считает, что первое поколение теологии освобождения переоценило возможности реализовать освобождение в ближайшей перспективе. Согласно Ч.М. Сонгу, представители первого поколения теологов рассматривали освобождение в большей степени с точки зрения парадигмы Ветхого Завета (в Исходе Бог освобождает поработанных израильтян), а не Нового Завета (распятие и воскресение Иисуса в Евангелиях). В отличие от первой в последней парадигме предполагается, что в истории освобождение не может быть разовым и окончательным, а выступает как определенный вектор пути и является всегда неполным и незавершенным. К этому следует добавить, с точки зрения Ч.М. Сонга, и возможную недооценку теологами освобождения существующей глобальной социально-экономической системы, которая в состоянии различными способами блокировать реализацию освобождения.

Исходя из такого понимания освобождения в историческом контексте, можно прийти к определенным выводам. Во-первых, данное понимание приводит к критике доминирующей сегодня неолиберальной идеологии, которая внушает веру в то, что свободный рынок – универсальное средство решения всех проблем в обществе. В истории, возможно, нет такой панацеи. Во-вторых, оно формирует предпосылки для создания альтернативного проекта освобождения не только как борьбы за более справедливое общество, но одновременно и превращения человеческого индивида в субъект исторического процесса. При существующем глобальном социальном порядке, в котором людей рассматривают лишь как потребителей, бедные неизбежно становятся лишними. Поэтому каждый человек, который сопротивляется социальному угнетению, борется или помогает борьбе за достойное человеческое существование и признает человека как высшую ценность независимо от социального статуса, раскрывается как субъект исторического процесса [8, p. 5].

Марселла Альтхаус-Рейд (1952–2009) как соавтор вышеназванного сборника считается одним из неоднозначных теологов, работающих в русле теологии освобождения. Суть «неподобающей теологии» («indecent theology») как ее собственного проекта заключается в достаточно смелых попытках переосмыслить теологию освобождения с точки зрения квир-теории (концепций о сущности гендера, которые возникли в 1990-е гг. на основе идей М. Фуко) и увязать эти два течения социальной мысли. В широком плане «квир» рассматривается как все, что не вписывается в общественную норму, в господствующей в данный момент социальной системе. В статье «От теологии освобождения к неподобающей теологии» М. Альт-

хаус-Рейд, анализируя взгляды основателей теологии освобождения, отмечает то, что было ими упущено. С ее точки зрения, теология освобождения была ненормальной теологией, то есть теологией, которая нарушала то, что было определено как «нормальное» для теологии. Теология освобождения была неподобающей, поскольку поставила под сомнение союз между Церковью и авторитарными правительствами, бросила вызов несправедливой экономической структуре общества, а представителей этой теологии, которые боролись во имя обездоленных, подвергали преследованиям и убивали. Однако, как считает М. Альтхаус-Рейд, теология освобождения работала с категорией бедных слишком «прямолинейно» и не поставила под вопрос жесткие традиционные нормы гендерных ролей мужчин и женщин [9].

Нельсон Мальдонадо-Торрес развивает идеи известного представителя первого поколения теологии (и философии) освобождения Энрике Дусселя. Статья Н. Мальдонадо-Торреса «Теология освобождения и поиск утраченной парадигмы» начинается с критического утверждения, что именно связь теологии освобождения с социальными науками, которая было отличительным признаком их теологии, является проблемной [10, p. 41].

Согласно Мальдонадо-Торресу, связь с социальными науками была обусловлена потребностью конкретно реализовать освобождение угнетенных в тот исторический период, но оказалась в определенной степени недостаточной для решения новых задач освобождения в настоящем и будущем. Мальдонадо-Торрес утверждает, что теология освобождения не в полной мере оценила колониальную гетерогенность положения «бедных», которое она стремилась изменить. В частности, теория зависимости, имевшая столь важное значение для теологии освобождения, анализировала одну конкретную проблему этой гетерогенности. В данной теории проблема зависимости латиноамериканских стран от стран Запада была центральной, а борьба за освобождение женщин, цветных, коренных народов оказалась вне поля внимания. Этот недостаток теории зависимости в результате отразился в упущениях теологии освобождения. Сегодня, с точки зрения Мальдонадо-Торреса, теология освобождения должна обновляться с применением так называемого «пограничного» мышления – эпистемологических образов, которые возникают на физических, эмоциональных и эпистемологических границах.

«Пограничное» мышление раскрывает тот факт, что колониализм был культурным и эпистемическим, а не только материальным. Следовательно, для более адекватной критики колониального наследия теология освобождения

должна отказаться от моноязыкового и монологического толкования освобождения и двигаться в русле концепта радикальной «диверсальности» (“diversality”¹). Радикальная диверсальность, согласно Мальдонадо-Торресу, является этико-политической позицией, посредством которой осуществляется критика эксцессов глобального капитала, пафоса постмодернистского нигилизма и поспешного отказа от этики в политической деятельности, который характерен для неолиберального мира [10, p. 57]. В конечном счете, реальное материальное освобождение может происходить только вместе с эпистемическим и культурным освобождением.

Герман Гутьеррес-Родригес является научным сотрудником Департамента экуменических исследований (Departamento Ecueménico de Investigaciones, DEI), наиболее значительного леворадикального интеллектуального центра в Латинской Америке. В статье «Этика жизни и выбор в пользу бедных» Г. Гутьеррес-Родригес утверждает, что есть три основных этических системы, которые сегодня находятся в конфликте: 1) функциональная этика рынка, 2) этика воров и 3) этика жизни. В первом случае, рынок, в основе которого лежит право собственности и соблюдения контрактов, выступает как фон, на котором имеет место нравственное поведение. Как наиболее эффективный механизм для координации между частными лицами рынок гарантирует, что его участники могут реализовывать свою деятельность в рамках гармонизирующей конкуренции. Однако, как утверждает Гутьеррес-Родригес, применение этой этики в Латинской Америке привело к поляризации общества: с одной стороны, небольшое число богатых, защищенных правами, а с другой – бесправное большинство населения. В результате происходит увеличение государственных репрессалий, с помощью которых власти стремятся остановить рост общественного недовольства.

Во втором случае, как отмечает Г. Гутьеррес-Родригес, в позитивистской правовой мысли вырисовывается эквивалентность между этикой рынка и этикой воров (как в известном высказывании Адама Смита о необходимости нормативного порядка в обществе: «прямое покушение на собственность как воровство или мошенничество... представляется большим преступлением, чем несдержанное обещание» [11, с. 99]). Поэтому будущее глобального большинства населения, которое лишается возможности поддержания своей жизни (вопрос не в том, подвергаться эксплуатации или нет – эксплуатация является хорошим вариантом, если другой вариант – смерть), зависит от результата борьбы между, с одной сто-

¹ «Diversality» – понятие, сочетающее diversity и universality.

роны, этикой рынка и этикой воров, а с другой – этикой жизни. Последняя означает, что первым и главным критерием оценки каждого института становится должное поддержание человеческой жизни. Жизнь не стоимость, которую можно обменивать на рынке; жизнь имеет первостепенное значение и является условием, которое делает ценности возможными [12].

Мануэль Х. Мехидо считается одним из самых оригинальных представителей нового поколения теологии освобождения. В статье «По ту сторону состояния постмодерна или поворот к психоанализу» ученый выявляет тесную взаимосвязь теологии освобождения в Латинской Америке и латиноамериканской теологией в США. М. Мехидо раскрывает отличительные черты западной теологии от теологии освобождения. Он рассматривает первую как историко-герменевтическую науку, которая «устанавливала теологическое знание посредством *интерпретации* смысла трансцендентности» [13, р. 119]. В свою очередь, теология освобождения является критически ориентированной наукой, которая «никогда не удовлетворяется интерпретацией смысла трансцендентности», но целью которой является освобождение угнетенных, «формирует теологическое знание, которое стремится к *созданию* трансцендентности» [13, р. 119].

Вместе с тем, как утверждает М. Мехидо, в настоящее время теологию освобождения затмил постмодернистский поворот к языку, инаковости и плюрализму партикулярностей. В этом контексте происходит следующее: во-первых, теология освобождения редуцируется к историко-герменевтической науке; во-вторых, исторический проект теологии освобождения пытаются ассимилировать в глобальный либерально-демократический капитализм. В результате этой ассимиляции теология освобождения сегодня уже явно не подвергается критике со стороны других теологий; напротив, теологию освобождения подключают к диалогу как партнера в сообществе «частных» теологий. В рамках этого диалога целью становится понимание, а не освобождение. Примечательно, что Мехидо в этой связи указывает на латиноамериканскую теологию в США как ключевого виновника этой ассимиляции и редукции леворадикального проекта. Он приходит к выводу, что, если применять психоанализ как критически ориентированную науку, исследующую дискурсы, с помощью которых конструируются социальные порядки, он может послужить важной составляющей восстановления основ теологии освобождения.

В заключении статьи М. Мехидо в общих чертах говорит о возможностях применения психоанализа как критически ориентированной науки. Он утверждает, что осуществленная С. Жижеком «переработка психоанализа Жака Лакана, создает возможность теорети-

чески преодолеть постмодернистскую редукцию социальной действительности к герменевтической концепции языка и терапевтически избавиться от ассимиляции в глобальный либерально-демократический капитализм» [13, р. 138]. Он демонстрирует эту реконструкцию в своих размышлениях над латиноамериканской теологией в США и опытом *mestizaje*¹.

С точки зрения М. Мехидо, герменевтическая концепция языка, «основанная на идеалистической идее языка как присутствия, раскрытия и понимания», не в состоянии выразить, объяснить фрагментированный опыт представителей *mestizaje* [13, р. 140]. Вместе с тем применяемый С. Жижеком психоанализ по отношению к современной культуре, которая характеризуется «отсутствием, лицемерием и отчуждением», способен раскрыть суть культурного производства и воспроизводства, определяющие жизненный опыт латиноамериканцев в США. М. Мехидо считает, что применение данного психологического подхода в пастырской деятельности позволит определить положение латиноамериканских народных масс в США [13, р. 141].

В завершении данного сборника представлена статья аргентинского теолога Ивана Петреллы «Теология освобождения – программное заявление», в которой предлагается реконструкция такого понятия теологии освобождения, как исторический проект. Автор считает, что в ранней теологии освобождения разработка исторического проекта как альтернативных моделей политического и экономического устройства выполняла две функции. Во-первых, проект был главным инструментом для осуществления социального и материального освобождения. Во-вторых, он придавал конкретное содержание терминологии теологии освобождения, с помощью которой леворадикальные теологи дифференцировали себя от представителей других позиций, использующих такой же лексикон, а в действительности преследующих другие социально-экономические цели. Разработка исторического проекта имеет центральное значение для самопонимания теологии освобождения, отличающейся от доминирующей теологии в странах Запада.

Однако катастрофические социально-политические изменения в мире, которые произошли в 90-е гг. XX в. лишили теологию освобождения своего исторического проекта – социализма. Как утверждает И. Петрелла, несмотря на данный исторический факт, разработка такого проекта как составной части теологии освобождения может и должна быть продолжена. В частности, по мнению философа,

¹ *Mestizaje* (исп., смешанный брак) – культурный концепт, относящийся к представителям смешанного европейского и коренного американского наследия. Эта группа составляет большинство среди латиноамериканцев.

нынешняя отстраненность теологии освобождения от разработки исторического проекта связана, главным образом, с внутренними проблемами, нежели с изменением исторического контекста. И поэтому, с его точки зрения, есть основания для надежды. Ученый считает, что переосмысление роли социальных наук, методологии социального познания и пересмотр представлений о современном капитализме может помочь теологии освобождения решить свои внутренние проблемы и продолжить работу над историческим проектом. Только в этом случае теология освобождения, которая нацелена на то, что крайне важно для большинства людей в мире – изменения в политической и экономической структурах общества, может сдержать свое обещание, то есть способствовать освобождению угнетенных [14].

Следует отметить, что представители нынешнего поколения леворадикальных христиан не являются представителями институциональной Церкви (являются мирянами) и поэтому имеют своеобразный иммунитет от потенциального гнева и нападок со стороны Ватикана. И несмотря на определенные отличительные черты нового поколения теологии освобождения, в работах его представителей четко прослеживается влияние идей их предшественников, а также конкретная задача, которая была и остается центральной в их творческой деятельности. Как однажды выразил суть этого христианского движения Леонардо Бофф: «Существует только одна цель – освобождение угнетенных» [15, p. 24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр, Дж. «Проект марксизма» в истории своего времени / Дж. Александр // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 3. – С. 20–23.
2. Добренков, В.И. Христианская теология и революция. – М., 1990; Революция в церкви? (Теология освобождения): док. и материалы / В.И. Добренков, А.А. Радугин. – М., 1991; Boff L., Boff C. *Introducing Liberation Theology*. – Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 1987; Smith, Ch. *The Emergence of Liberation Theology: Radical Religion and Social Movement Theory*. – Chicago: University of Chicago Press, 1991; Berryman, Ph. *Liberation Theology: The Essential Facts About the Revolutionary Movement in Latin America and Beyond*. – N. Y.: Temple University Press, 1987; Lowy M. *The War of Gods: Religion and Politics in Latin America*. – London; N.Y.: Verso, 1996; и др.

3. Заритовская, З.А. Теология освобождения в странах Латинской Америки / З.А. Заритовская // *Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции*. – М.: ИФРАН, 2012. – С. 190–217.
4. Харви, Д. Лекция «Неолиберальная урбанизация», 25 мая 2007 г. / Д. Харви // Институт общественного проектирования. <http://www.inop.ru/reading/page140/>
5. Lowy, M. *The War of Gods: Religion and Politics in Latin America* / M. Lowy. – New York: Verso, 1996.
6. Валлерстайн, И. Как далеко влево продвинулась Латинская Америка? / И. Валлерстайн; пер. А. Чижовой // *Скепсис*. – 2008. – Дата доступа: 04.02.2014. http://scepsis.net/library/id_2102.html
7. Petrella, I. *The Future of Liberation Theology: An Argument and Manifesto*. – Aldershot, Hampshire, England: Ashgate Publishing Limited, 2004; Burdick, J. *Legacies of Liberation: The Progressive Catholic Church in Brazil*. – Aldershot, England: Ashgate, 2004.
8. Sung, Jung Mo. *The Human Being as Subject* / Jung Mo Sung // *Latin American Liberation Theology: The Next Generation*. – Maryknoll, NY: Orbis Books, 2005. – P. 1–19.
9. Althaus-Reid, Marcella. *From Liberation Theology to Indecent Theology* / Marcella Althaus-Reid // *Latin American Liberation Theology: The Next Generation*. – Maryknoll, NY: Orbis Books, 2005. – P. 20–38.
10. Maldonado-Torres, Nelson. *Liberation Theology and the Search for the Lost Paradigm* / Nelson Maldonado-Torres // *Latin American Liberation Theology: The Next Generation*. – Maryknoll, NY: Orbis Books, 2005. – P. 39–61.
11. Смит, А. *Теория нравственных чувств* / А. Смит. – М.: Республика, 1997.
12. Gutierrez, German. *Ethic of Life and Option for the Poor* / German Gutierrez // *Latin American Liberation Theology: The Next Generation*. – Maryknoll, NY: Orbis Books, 2005. – P. 75–94.
13. Mejido, Manuel J. *Beyond the Postmodern Condition, or the Turn toward Psychoanalysis* / Manuel J. Mejido // *Latin American Liberation Theology: The Next Generation*. – Maryknoll, NY: Orbis Books, 2005. – P. 119–146.
14. Petrella, Ivan. *Liberation Theology – A Programmatic Statement* / Ivan Petrella // *Latin American Liberation Theology: The Next Generation*. – Maryknoll, NY: Orbis Books, 2005. – 147–172 p.
15. Boff, Leonardo. *Salvation and Liberation: In Search of a Balance between Faith and Politics* / Leonardo Boff, Clodovis Boff. – Maryknoll, NY: Orbis Books, 1984.

SUMMARY

The article deals with the historical context in which the liberation theology formation and development took place. It is considered to be the most significant part of the left-radical trend in Christian social thought and in the Christian social movement in the XX century. The most important ideas of the liberation theologians are highlighted. The author of the article shows that despite the fact the new generation of liberation theology has certain distinctive features, in the works of its members the influence of the ideas of their predecessors is observed, as well as a specific task, which was and remains central in their creative activity: it is the liberation of the oppressed.

Поступила в редакцию 09.04.2014 г.

УДК 141.2

И.И. Таркан,
преподаватель кафедры философии БГПУ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Возникновение теории мир-системного анализа связано с разработкой понятия «мир-система» как базовой единицы иссле-

дования социальных явлений. Общеизвестным отцом мир-системного анализа принято считать Иммануила Валлерстайна. Во второй